

Онъ не склонялъ и послѣ головы.
Умѣлъ онъ помнить, кто его обидѣлъ,
И потому отца возненавидѣлъ.

LXIX.

Великій грѣхъ!.. Но чѣмъ теплѣ кровь,
Тѣмъ ранше зрѣютъ въ сердцѣ безпокойномъ
Всѣ чувства—злоба, гордость и любовь,
Какъ дерева подъ небомъ юга знойнымъ.
Шалуи мой хмурилъ маленькую бровь,
Встрѣчаясь съ нѣжнымъ папенькой; отъ

взгляда

Онъ вздрагивалъ, какъ будто бь капля яда
Дилась по жиламъ. Это, можетъ-быть,
Смѣшно,—что жъ дѣлать!—онъ не могъ лю-
Какъ любить всѣ гостиниы собачки, [бить,
За лакомство—пооби и подачки.

LXX.

Онъ былъ дитя, когда въ тесовый гробъ
Его родную съ пѣньемъ уложили.
Онъ помнилъ, что надъ нею черный попъ
Читалъ большую книгу, что кадили,
И прочее... и что, закрывъ весь лобъ
Большимъ платкомъ, отецъ стоялъ въ мол-
И что, когда послѣднее лобзанье [чаньи,
Ему велѣли матери отдать,
То сталъ онъ громко плакать и кричать,
И что отецъ, немного съ нимъ поспора,
Велѣлъ его поспѣть... конечно, съ горя.

LXXI.

Онъ не имѣлъ ни брата, ни сестры,
И тайныхъ мукъ его никто не вѣдалъ.
До времени отвыкнувъ отъ игры,
Онъ жадному сомнѣнью сердце предасть,
И, презрѣвъ дѣтства милые дары,
Онъ началъ думать, строить міръ воздушный
И въ немъ терился мыслію послушной.
Такое средь океана островокъ:
Пусть хоть прекрасенъ, свѣтъ, но одинокъ;
Ладьи къ нему съ гостями не пристанутъ,
Цвѣты жъ на немъ незнаемы увянутъ..

LXXII.

Онъ былъ рожденъ подъ гибельной звѣздой,
Съ желаньями безбрежными, какъ вѣчность.
Они такъ часто спорили съ душой
И отравили лучшихъ дней безпечность
Они детали надъ его главой,
Какъ царская корона; но безъ власти
Вѣнецъ казался бременемъ, и страсти,
Впервые пробудясь, живымъ огнемъ
Прожгли алтарь свой, не найдя кругомъ
Достойной жертвы,—и въ пустынѣ свѣта
На дружный зовъ не встрѣтилъ онъ отвѣта.

LXXIII.

О, если бь могъ онъ, какъ безплотный духъ
Въ вечерній часъ сливаться съ облаками,
Склонять къ волнамъ кипучимъ жадный слухъ
И долго упиваться ихъ рѣчами,
И обнимать ихъ перси, какъ супругъ,—
Въ глуши степей дышать со всей природой
Однимъ дыханьемъ, жить ея свободой!

О, если бь могъ онъ, въ молнію одѣтъ,
Однимъ ударомъ весь разрушить свѣтъ!..
Но, къ счастью для васъ, читатель милый,
Онъ не былъ одаренъ подобной силой.

LXXIV.

Я не берусь вполнѣ, какъ психологъ,
Характеръ Саши выставить наружу
И вскрыть его, какъ съ трюфлями пирогу.
Скорѣй судей молчаньемъ я принужу
Къ рѣшенію... Пусть судъ ихъ будетъ строгъ!
Пусть журналистъ всевѣдущій хлопочетъ..
Зачѣмъ тогъ плачетъ, а другой хохочетъ!..
Пусть скажетъ онъ, что бѣсомъ одержимъ
Былъ Сама,—я и тутъ согласенъ съ нимъ,
Хотя, божеу, пріятель мой, повѣса,
Взбѣсилъ бы иногда любого бѣса.

LXXV.

Его учитель чистый былъ французъ,
Marquis de Tess. Педантъ полузабвенный,
Имѣлъ онъ длинный носъ и тонкій вкусъ
И потому бралъ деньги преисправно.
Покорный рабъ губернскихъ дамъ и музъ,
Онъ сочинялъ соеты, хоть порою
По часу бился съ рѣшомъ одною;
Но каламбуровъ полный лексиконъ,
Какъ талисманъ, носилъ въ карманѣ онъ,
И, бывъ увѣренъ въ дамской благодати,
Не размышлялъ, что кстати, что не кстати.

LXXVI.

Его отецъ богатый былъ маркизъ,
Но жертвой сталъ народнаго волненья;
На фонарѣ однажды онъ повисъ,
Какъ было въ модѣ, вмѣсто украшенья.
Пріятель нашъ, парижскій Адонисъ,
Оставивъ прахъ родителя судьянъ,
Не поклонился гордой гильотинѣ:
Онъ молча проклиналъ волюнть и народъ,
И натоцакъ отправился въ походъ,
И, наконецъ, едва живой отъ муки,
Пришелъ въ Россію поощрять науки.

LXXVII.

И Саши мой любилъ его разсказъ
Про сборища народныя, про шумный
Напоръ страстей и про послѣдній часъ
Вѣчнанаго страдальца... Надъ безумной
Парижскою толпою много разъ
Посилося его воображенье:
Тамъ слышалъ онъ святыхъ головъ паденье,
Межъ тѣмъ какъ нищихъ буйный миллионъ
Кричалъ, смѣясь: «да здравствуетъ законъ»!
И, въ недостаткѣ хлѣба или злата,
Просилъ одной лишь крови у Марата.

LXXVIII.

Тамъ видѣлъ онъ высокій эшафотъ,
Прелестная на звучныя ступени
Всходила женщина... Слѣды заботъ,
Слѣды живыхъ, но тайныхъ угрызений
Видѣлись на лицѣ ея. Народъ
Рукоплескалъ... Вотъ кудри золотыя
Посыпались на плечи молодца;